

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 107—116.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 107—116.

Научная статья

УДК 94(100)"1939/1945"

DOI: 10.46726/И.2023.1.11

ПРОБЛЕМА «ВТОРОГО ФРОНТА» В СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ Ф. РУЗВЕЛЬТА И У. ЧЕРЧИЛЛЯ (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.)

Сергей Александрович Потапов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал),
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля на решение проблемы «второго фронта» как ключевого вопроса коалиционной стратегии ведения войны в ноябре 1942 — декабре 1943 г., т. е. от начала контрнаступления советских войск под Сталинградом до Тегеранской конференции «большой тройки». Особое внимание уделяется анализу роли западных лидеров в эволюции отношений с СССР. На основе проанализированного материала отмечается, что решения Ф. Рузвельта и У. Черчилля имели важное, часто определяющее значение в эволюции коалиционной стратегии, в том числе во взаимоотношениях с советским союзником. Военно-стратегические идеи и решения британского лидера часто отставали от динамики мировой борьбы, определялись имперскими интересами Лондона и ограниченностью военного потенциала Британской империи. В то же время военно-стратегическое мышление президента было, как правило, адекватно общей логике мировой борьбы и реальной роли каждого из основных театров военных действий в общем ходе войны в контексте американских геостратегических интересов. Позиция Ф. Рузвельта оказала решающее влияние на эволюцию и окончательное решение проблемы «второго фронта», что являлось ключевым вопросом военной стратегии Запада в конце 1942—1943 гг.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, США, Черчилль, Рузвельт, «второй фронт»

Для цитирования: Потапов С.А. Проблема «второго фронта» в стратегическом мышлении Ф. Рузвельта и У. Черчилля (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 107—116.

Original article

THE PROBLEM OF THE SECOND FRONT IN THE STRATEGIC THINKING OF F. ROOSEVELT AND W. CHURCHILL (November 1942 — December 1943)

Sergey A. Potapov

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch), Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru

Abstract. The article analyzes the influence F. Roosevelt and W. Churchill on solving the problem of the Second front as a key issue of the coalition strategy of warfare in November 1942 — December 1943. Particular attention is paid to the analysis of the role

---

© Потапов С.А., 2023

of Western leaders in the evolution of relations with the USSR. On the basis of the analyzed material, it is noted that the decisions of F. Roosevelt and W. Churchill were of importance, often decisive importance in the evolution of coalition strategy, including relations with the Soviet ally. The military-strategic ideas and decisions of the British leader often lagged behind the dynamics of the world struggle, determined by the imperial interests of London and the limited military potential of the British Empire. At the same time, the president's military-strategic thinking was, as a rule, adequate to the general logic of the world struggle and the real role of each of the main theaters of military operations in the general course of the war in the context of American geostrategic interests. The position of F. Roosevelt had a decisive influence on the evolution and final solution of the problem of the Second front.

Keywords: Second World War, Great Britain, USA, Churchill, Roosevelt, Second front

For citation: Potapov S.A. The problem of the Second front in the strategic thinking of F. Roosevelt and W. Churchill (November 1942—December 1943), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 107—116.

Проблема согласования коалиционной стратегии, в частности преодоление споров о приоритетности различных театров военных действий между странами «большой тройки», трудно и сложно решалась в ходе Второй мировой войны. Для советского руководства она заключалась прежде всего в подталкивании западных союзников к организации и проведению операции по форсированию Ла-Манша, поскольку по обоснованному мнению Москвы только вторжение англо-американских войск в Северо-Западную Европу отвлечет значительные силы немцев с востока и станет настоящим «вторым фронтом». Руководство США и Великобритании, рассматривая стратегические проблемы с точки зрения собственных национальных интересов и решая непростую задачу согласования военных действий сразу на нескольких театрах мировой войны, имело другое видение направления, масштабов и сроков операций. Нельзя также забывать, что и между Вашингтоном и Лондоном были серьезные противоречия по различным принципиальным вопросам. В то же время необходимость достижения победы над общим противником заставляла вырабатывать коалиционную стратегию; при этом сумма компромиссных решений зависела от военного, политического и экономического потенциала союзников.

В своей статье мы попытаемся проанализировать влияние президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля на решение проблемы «второго фронта» как ключевого вопроса выработки коалиционной стратегии в ноябре 1942 — декабре 1943 г., т. е. в период «коренного перелома» Великой Отечественной и Второй мировой войны. Исходя из тематики работы особое внимание будет уделено анализу роли западных лидеров в эволюции отношений с СССР. У. Черчилль и Ф. Рузвельт во время войны стали подлинными военно-политическими лидерами своих стран. В обеспечении реализации политических замыслов при стратегическом планировании боевых действий заключалась главная задача премьер-министра и президента как военных руководителей. Без учета влияния их стратегического мышления невозможно разобраться в развитии отношений внутри «большой тройки», в том числе при решении проблемы «второго фронта».

Данная проблема стала приоритетом в отношениях Запада и СССР еще в 1942 г., во многом определяя всю англо-американскую стратегию на европейских театрах военных действий. После переломных событий ноября 1942 г. и начала глобального стратегического наступления стран антигитлеровской коалиции она оказывала еще более существенное влияние на коалиционное планирование США и Великобритании.

После получения информации об операции «Торч» И.В. Сталин хотя и проявил интерес к этому плану высадки в Марокко и Алжире, но не изменил своего мнения: подлинный «второй фронт» возможен только в Северо-Западной Европе, и он ждет его открытия в 1943 г. Позиция советского лидера была понятна и однозначна: без выполнения обещания открыть «второй фронт» в следующем году союзникам не стоит ожидать плодотворного диалога с Москвой по ключевым настоящим и будущим проблемам межсоюзнических отношений. Не чувствуя себя пока готовым к серьезному диалогу, он твердо отклонил предложения о первой встрече «большой тройки», обоснованно считая, что время только усиливает позиции СССР в результате масштабных побед советских войск [Печатнов, Магадеев: 302—302, 308—309].

Черчилль, видимо искренне, в конце 1942 г. восхищался «победами русских» и призывал признать новый фактор огромного значения — «Германия не сумеет перебросить с Востока в 1943 г. сколько-нибудь значительные силы, поэтому считаю необходимым изыскать пути и средства для вторжения на континент» [Churchill: 656—658, 662]. Но это отнюдь не означало отказа Черчилля от прежних идей; он по-прежнему не собирался отказываться от ударов в «мягкое подбрюшье» Европы. Речь в его планах, как всегда масштабных и трудно воспринимаемых даже ближайшими советниками, шла скорее о необходимости ускорения переброски англо-американских войск на Британские острова для создания потенциала десанта по форсированию Ла-Манша (операция «Раундап») в неопределенной перспективе. Вполне можно предположить, что эти идеи премьер-министра имели характер дипломатического прикрытия его истинных намерений. Они предназначались для партнеров по межсоюзническому диалогу в Москве и особенно в Вашингтоне, где по-прежнему были сильны сторонники «тихоокеанской альтернативы» американской стратегии, которая, конечно, противоречила планам Лондона. Поэтому военным советникам вряд ли пришлось долго убеждать Черчилля в невозможности «Раундапа» в следующем году даже за счет операций на юге Европы [Черчилль: 587—588; Говард: 151—152].

Что касается Рузвельта, то он в конце 1942 г. еще не пришел к каким-то четким очертаниям американской стратегии в 1943 г. Согласившись «по возможности быстрее создавать растущую ударную силу» для запланированного или внезапного (в результате распада германского Восточного фронта) форсирования Ла-Манша, президент позволял своим военным советникам рассматривать различные варианты приоритетов военных усилий США на основных театрах военных действий, включая так пугавшую британцев «тихоокеанскую альтернативу» и так нравившийся им «средиземноморский вариант» развития успеха «Торча» в Италии и на Балканах [Churchill and Roosevelt: 38—42, 48—56, 66—67].

В решениях англо-американской конференции в Касабланке (январь 1943 г.), скорее по инерции и из-за определенной пассивности Рузвельта в этом вопросе, Северо-Западная Европа уступила приоритетность военных усилий западных союзников средиземноморскому и тихоокеанскому театрам военных действий; единственное исключение — стратегические бомбардировки Германии. Но все же, вопреки мнению своих военных штабов, по прямому указанию Рузвельта и Черчилля усилия по подготовке форсирования Ла-Манша в 1943 г. сохранялись в числе стратегических приоритетов, скорее уже по военно-политическим соображениям. Успехи советского наступления на конференции практически не обсуждались, но очевидно, что впечатляющие

масштабы советских побед были важнейшим фактором принятия решений, в частности о требовании безоговорочной капитуляции Германии. Рузвельт уже в начале 1943 г. понимал, что для послевоенного контроля Западной Европы американские войска должны рано или поздно осуществить масштабное вторжение на континент именно через Ла-Манш; только оно открывает путь к западным границам Германии [The Conferences at Washington and Casablanca...: 792—801, 808; Edmonds: 368].

Сталин — ожидаемо — был крайне раздражен очередной отсрочкой высадки во Франции, в послании Черчиллю от 15 марта «со всей настойчивостью» многозначительно предупреждая о своей тревоге относительно «неопределенности ваших заявлений» [Печатнов, Магадеев: 394]. Начинается самый, наверное, сложный за все военное время период межсоюзнических отношений; весной — в начале лета дело дошло, при явном указании сверху, до открытой дискуссии между Западом и Москвой по таким острым проблемам межсоюзнических отношений, как роль ленд-лиза, границы Польши и других стран Восточной Европы, о Катыни.

Для Вашингтона и Лондона в отношениях с Кремлем все более очевидно на первый план выходит желание ограничить послевоенные геополитические успехи СССР в мире и особенно в Европе: опасения лишиться «русского союзника» в результате его разгрома были уже не актуальны, и на первый план в западных элитах и обществе снова выходят давние мотивы неприятия чуждого и потенциально враждебного советского строя. Но западные лидеры, во многом согласные с этими оценками, в то же время вынуждены были всегда помнить о жизненной необходимости советско-германского фронта как фактора победы в войне, причем в войне «удобной» для западных демократий. Кроме того, жесткая конфронтация с Москвой шла вразрез с пониманием президентом (сторонником «оптимистичной» точки зрения на политику Сталина) насущной необходимости начать обсуждение вопросов послевоенного урегулирования на позициях не противостояния, а сотрудничества с СССР, которое он считал вполне достижимым на длительный период времени [Печатнов: 104—107]. Поэтому уже в апреле — мае 1943 г. для ослабления напряженности в отношениях Рузвельт направляет в Москву своих ближайших помощников Дж. Дэвиса и Д. Бирнса с предложением двухстороннего саммита [Ржешевский: 386]. Это предвещало недоброе для позиции Великобритании, политика которой становится все более проблемной для американских интересов.

Однако Рузвельт к этому времени не мог не понимать, что судьба «второго фронта» (в любом его варианте) в 1943 г. была уже предрешена. На проходившей в Вашингтоне 12—25 мая конференции «Трайидент» было достигнуто соглашение о подготовке к форсированию Ла-Манша только весной 1944 г. Причем даже это решение, по мнению американской делегации, не было неизбежным из-за неприкрытого скептицизма к этим планам британских военных накануне конференции и возможной их блокировки Лондоном. Но Черчилль, при всей своей приверженности к средиземноморским акцентам коалиционной стратегии, знал скептическое отношение к ним американского президента и понимал неизбежность принятия более слабым союзником мнения Вашингтона; это, конечно, не исключало его настойчивых попыток «подправить» принятые решения в будущем [Leahy: 158—162]. По воспоминаниям участников, именно на этой конференции Рузвельт впервые обращался с Черчиллем как с менее равным союзником; поле компромиссных решений все явственнее складывалось на основе позиции Вашингтона [Byrant:

619—620]. Поскольку президент однозначно заявил о необходимости подготовки уже безальтернативной операции по форсированию Ла-Манша в 1944 г., это заставило и британское, и американское военное руководство занять максимально осторожную позицию по вопросу о дальнейших операциях на юге Европы [Leahy: 157—158].

Но даже это решение не могло устроить Сталина, для которого столь длительное откладывание «второго фронта» неизбежно означало огромные дополнительные потери людей и материальных ресурсов на фронте. После получения информации (4 июня) о решении форсировать Ла-Манш только в мае 1944 г. Москва временно отзывает послов из Вашингтона и Лондона; Сталин пригрозил «тяжелыми последствиями» принятого решения для хода войны [Печатнов, Магадеев: 474—479]. Однако реальная динамика мировой борьбы вряд ли давала советскому руководству широкий диапазон ответных действий, за исключением громких заявлений о своем крайнем недовольстве ситуацией.

Только к концу июля, когда стал понятен провал летней кампании немцев после победы советских войск на Курской дуге, складываются условия для нового этапа развития межсоюзнических отношений. Рузвельт, еще больше признавая исключительную важность советского союзника для реализации его видения американской глобальной стратегии в военный и особенно послевоенный период, с удвоенной энергией принялся убеждать советского руководителя в необходимости встречи для преодоления разногласий. Сталин, осознавая изменившийся потенциал советской дипломатии, в ответ наконец-то посчитал возможной встречу «большой тройки» после завершения летне-осенней кампании на советско-германском фронте [The Conferences at Washington and Casablanca...: 445—454].

В таких условиях Рузвельт должен был все более настороженно относиться к британским предложениям о продолжении активных операций в Средиземноморье. Сам премьер-министр в неофициальных беседах, например, с военным министром США Г. Стимсоном, неоднократно и весьма откровенно говорил о своем неприятии идеи вторжения во Францию. В Вашингтоне, следуя уже всем известному мнению президента, эта «твердолобость» Черчилля вызывала все большее раздражение, поскольку стратегия премьер-министра «была бы для нас в конце войны весьма опасной» и дала бы возможность Сталину «сдирать шкуру с оленя, которому союзники только смогут вцепиться в ногу» [Stimson, Bundy: 432—434, 527]. Поэтому появившееся и в американском руководстве стремление максимально использовать крах режима Муссолини, произошедший в конце июля 1943 г., сменяется серьезной тревогой перед новым всплеском средиземноморских планов Черчилля, который попытался воспользоваться этой возможностью и еще раз реанимировать идею приоритетности наступления через Италию и Балканы. Это было расценено как односторонний разрыв Лондона с выработанной коалиционной стратегией.

К началу конференции «Квадрант» (Квебек, август 1943 г.) для президента и его команды советников проведение операции «Раундап» в 1944 г. было однозначным приоритетом коалиционной стратегии. Рузвельт не собирался (из-за совсем неочевидных и, вполне возможно, временных изменений ситуации) менять уже согласованную приоритетность трансламаншской операции, перенацеливать главный вектор военных усилий американских войск на юг с риском завязнуть «на периферии» Европы и, что самое главное, гарантировать новую и еще более непредсказуемую вспышку недовольства

Москвы. Как считал президент, советские интересы в Восточной Европе ограничиваются желанием дружественных отношений «с другими славянскими народами» и не угрожают послевоенным американским интересам [The Conferences at Washington and Quebec...: 468—480, 498—503; Greenfield: 74—75]. Изменившийся не в пользу Лондона баланс сил позволил Рузвельту довольно быстро (заметно быстрее, чем на предыдущей англо-американской конференции) обеспечить как минимум формальное согласие премьер-министра с его видением стратегической ситуации.

В итоговых компромиссных решениях было зафиксировано согласие Вашингтона продолжать военные действия на Аппенинах в обмен на отказ англичан от операций на Балканах и подтверждение ими абсолютной приоритетности концентрации сил для форсирования Ла-Манша в 1944 г. перед любыми операциями в Средиземноморье. Кроме того, по настоянию Рузвельта, на случай обвала восточного фронта была предусмотрена операция «Рэнкин» — быстрая высадка в Северной Франции уже в 1943 г.; такой вариант развития ситуации на советско-германском фронте уже длительный период времени не давал покоя президенту, поскольку разрушал всю логику его европейской стратегии. Даже обычно рационально мыслящему президенту очень хотелось увидеть американских солдат в Берлине до прихода туда русских с востока [Greenfield: 122—125].

Между тем в отношениях СССР и Запада стал наблюдаться серьезный прогресс. 24 августа из Москвы прислали официальное согласие на встречу «большой тройки». В Москве на конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. были достигнуты серьезные договоренности в политической и военной сфере межсоюзнических отношений; в частности, Сталин впервые заявил о планах СССР начать войну с Японией после разгрома Германии, понимая чувствительность американцев в этом вопросе. Но продолжалось и дипломатическое давление со стороны советского лидера; много шума сделала его весьма тревожная (с учетом прежней позиции Кремля) для Рузвельта фраза: «Мы не будем требовать того, чего союзники не в состоянии сделать» [Eden: 483—484].

В итоге, понимая все большую важность согласования операций на советско-германском и потенциальном западноевропейском фронтах и осознавая такое же стремление Москвы к развитию межсоюзнического взаимодействия в военной сфере, президент целенаправленно выбрал курс на максимально возможный уровень сотрудничества со Сталиным, заставляя Черчилля идти в фарватере принятого решения о приоритетности трансламаншской стратегии. В то же время и в Вашингтоне, и в Москве стали воспринимать «периферийную стратегию» премьер-министра как неприятную, но преодолимую угрозу в реализации этого решения. Черчилль в свою очередь всеми силами старался не замечать изменившийся коалиционный баланс и еще более настойчиво стал поднимать вопрос о политических амбициях Москвы не только в Восточной, но и в Центральной Европе. Для Рузвельта не были секретом эти мысли премьер-министра: «Он хотел не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и, возможно, в Венгрию; это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные» [Рузвельт: 186—187; Шервуд: 473].

Несмотря на мнение британского союзника, во время подготовки к тегеранской встрече «большой тройки» в Вашингтоне, страны пришли к единому мнению о том, что предотвратить вступление советских войск в Восточную Европу уже невозможно и нужно исходить из этих геополитических реалий, но постараться минимизировать негативные последствия создания

сферы влияния Москвы в этом регионе. При этом по-прежнему в Вашингтоне надеялись встретить советского союзника как можно дальше на востоке континента, что делало трансламаншскую операцию все более приоритетной в американской стратегии: «Берлин должны взять США, тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него» [The Conferences at Cairo and Teheran...: 254; Печатнов: 121]. Поэтому в Вашингтоне считали, что «балканский вариант» стратегии Черчилля в качестве альтернативы «Оверлорду» (новое кодовое название операции по форсированию Ла-Манша) не только раздражает Москву, но и противоречит приоритетам американской стратегии, поэтому «послевоенное переустройство Балкан не является вытекающей из природы вещей целью США» [Stoler: 172].

Когда 28 ноября в Тегеране началась встреча «большой тройки», президент для прощупывания почвы изложил обе стратегические альтернативы, кроме трансламаншской операции озвучив планы по развитию операций на Аппенинах, в Эгейском море для помощи Турции, даже наступления со стороны Адриатики к Дунаю [Шервуд: 443]. Вероятнее всего, это была дипломатическая игра для прощупывания взглядов Сталина, желание вызвать на откровенность Черчилля и стремление показать гибкость американских решений, на самом деле уже отсутствующей в реальных планах Вашингтона. Но мнение советского лидера, однозначно выступившего за абсолютный приоритет «Оверлорда» и оценившего операции в Средиземноморье как нужные, но вспомогательные, сразу поставило все на свои места. Это сразу же выбило из-под ног почву у Черчилля, который в начале конференции мобилизовал все свое ораторское умение для защиты «средиземноморской стратегии» и полностью прояснило ситуацию для Рузвельта. Премьер-министр в очередной раз продемонстрировал свое стремление всеми возможными способами отстаивать позиции слабеющей Британской империи, пытаясь продолжать традиционную политику балансирования между новыми центрами силы и использования их слабостей и противоречий. Но его возможности оказались весьма ограничены.

Хотя дискуссия о «втором фронте» приобрела местами острый характер, конечный результат был предрешен. Четкая позиция Сталина заставила президента наконец прямо высказаться в пользу приоритетности «Оверлорда». На основе во многом антибританского согласия двух лидеров были быстро достигнуты итоговые соглашения. В них операция «Оверлорд», запланированная на май 1944 г., должна была сопровождаться вспомогательной операцией «Энвил» (высадка в Южной Франции), что еще больше сокращало союзные силы в Италии и возможность других операций в Средиземноморье.

Достигнутое совпадение стратегических взглядов Рузвельта и Сталина привело к серьезным проблемам в отношениях президента и премьер-министра. Рузвельт покинул Тегеран, будучи удовлетворенным результатами конференции и уверенным в том, что со Сталиным можно договариваться; Черчилль же с болью осознал резкое падение британского влияния на принятие ключевых решений коалиционной стратегии [Leahy: 202—203; Мэтлофф: 428].

Сразу после Тегерана была организована очередная англо-американская конференция «Секстант» в Каире, во многом ради хотя бы частичного преодоления разногласий. Принятие Черчиллем неизбежности трансламаншской операции и готовность Рузвельта на определенные непринципиальные уступки смягчили разногласия между ними. Был разрешен спор о структуре командования в Западной Европе (американское руководство) и в Средиземноморье (британское руководство). Президент, явно все более разочаровывавшийся в возможностях

Китай быть четвертой «великой державой», перестал поддерживать амбиции Чан Кай-ши в Бирме и в целом, к большому облегчению Лондона, стал проявлять скептицизм к военно-политическим амбициям гоминьдановского режима. Явное влияние на корректировку тихоокеанских приоритетов Рузвельта имело уже официальное обязательство СССР начать войну против Японии, сделавшее американские стратегические расчеты на этом театре военных действий гораздо более оптимистичными. При этом сам второстепенный характер каирских соглашений доказывал невозможность принятия глобальных решений без участия советского союзника.

В результате принятых в Тегеране и Каире решений была поставлена точка в межсоюзнических спорах о «втором фронте», продолжавшихся с разной степенью интенсивности с лета 1941 г. Средиземноморская стратегия, любимое детище Черчилля, окончательно уступила место трансламаншской стратегии. Сталин, обосновывая свою позицию впечатляющими победами Красной Армии, имел все основания напомнить союзникам очевидное: немцев и всю Европу не отгораживает от наступления советских войск «ни Ла-Манш, ни море» [Бережков: 273]. Рузвельт и без этого напоминания осознавал изменившиеся геополитические реалии и с готовностью пошел навстречу советской делегации, поскольку позиция Москвы вписывалась в его видение оптимальной глобальной стратегии Америки — в отличие от средиземноморских симпатий Черчилля.

Рузвельт в Тегеране не только всячески демонстрировал личную симпатию к Сталину, но и за спиной Черчилля обсуждал с советским вождем будущее британских колониальных владений [Бережков: 302]. Британский лидер все прекрасно понимал, с грустным юмором вспоминая после Тегерана, что «впервые в жизни я понял, какая мы маленькая нация... между двумя гигантами («русским медведем» и «американским бизоном») сидел маленький английский ослик» [Медведев: 346]. Две нарождавшиеся сверхдержавы, нашедшие компромиссный баланс своих интересов, навязали стратегию третьему, только теоретически равному партнеру.

Решения Рузвельта, принятые в 1943 г., о приоритетности различных театров военных действий имели определяющее значение для выработки коалиционной стратегии ведения войны и послевоенного мироустройства. Резкое усиление военного и политического потенциала США позволяло президенту все в меньшей степени учитывать мнение Лондона и выстраивать максимально гибкую политику в отношении советского союзника, адекватно реагируя на изменение конфигурации мировой борьбы.

В частности, сохранение до середины 1943 г. приоритетности для англо-американских сил операций на средиземноморском театре военных действий свидетельствует лишь о совпадении на этом этапе войны идей британской «периферийной стратегии» со взглядами Рузвельта и его советников на методы ведения глобальной войны. После того, как президент пришел к заключению о невозможности дальнейшего промедления с принятием решения о высадке во Франции в следующем году без угрозы для послевоенных позиций США, он достаточно быстро пришел к согласию со Сталиным о координации решающих ударов по Германии и отказался от развития операций в «мягком подбрюшье» Европы.

При этом выработанные британским руководством уже на начальном этапе войны принципы «периферийной стратегии», отразившие мнение Черчилля о наиболее адекватной существующим реалиям военно-политической программе

действий Лондона в условиях ограниченного потенциала слабеющей Британской империи, принципиально не пересматривались всю войну. Однако ход военных действий и изменение удельного веса Лондона в общих усилиях союзников заставляли Черчилля на протяжении 1942—1943 гг. все в большей степени принимать требования Москвы и особенно Вашингтона в выработке и реализации планов операций, противоречивших его истинным намерениям. В результате позиция британского лидера, все чаще отстающая от динамики глобального противостояния двух противоборствующих коалиций из-за связи с чисто имперскими интересами Лондона, не учитывалась или учитывалась все более ограниченно при принятии коалиционных стратегических решений.

Это повлияло и на характер отношений западных лидеров со Сталиным. И Рузвельт, и Черчилль после Сталинграда стали еще больше осознавать очевидную зависимость их стратегии от развития борьбы на советско-германском фронте. Но президенту, готовому на компромиссы и осознающего быстрорастущий стратегический потенциал возглавляемой им державы, было значительно легче находить компромиссные решения с советским союзником, который и сам стремился подчеркнуть на протяжении всей войны особые отношения с Вашингтоном. Премьер-министру на протяжении рассматриваемого периода было все сложнее найти общий язык и взаимопонимание со Сталиным. В полной мере это проявляется и в дискуссии по проблеме «второго фронта».

Список источников

- Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1984. 613 с.
- Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: документальное исследование. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 656 с.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. 564 с.
- Рузвельт Э. Его глазами. М.: Издательство иностранной литературы, 1947. 255 с.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. М.: Воениздат, 1991. 671 с.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 680 с.
- Churchill W. Second World War. V. 4. The Hinge of Fate. London, Boston, Toronto: Cassel, Houghton Mifflin, 1951. XVIII, 917 p.
- Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Ed. by W.F. Kimball. V. 2. Alliance Forget. Nov. 1942 — Febr. 1944. Princeton: Princeton univ. press, 1984. X, 773 p.
- Eden A. The Memoirs. The Reckoning. London: Cassell, 1965. 623 p.
- The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Washington: Gov. print. off., 1968. LXX, 895 p.
- The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Washington: Gov. print. off., 1970. XCV, 1382 p.
- The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Washington: Gov. print. off., 1961. LXXXVIII, 932 p.

Список литературы / References

- Говард М. Большая стратегия, август 1942 — сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980. 464 с. (Howard M. Big Strategy, August 1942 — September 1943, Moscow, 1980. 464 p. — In Russ.)
- Медведев Д.Л. Уинстон Черчилль. Последний титан. М.: Молодая гвардия, 2022. 489[7] с. (Medvedev D.L. Winston Churchill. The Last Titan, Moscow, 2022, 489[7] p. — In Russ.)

- Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М.: Воениздат, 1964. 584 с.
(Matloff M. From Casablanca to Overlord, Moscow, 1964, 584 p. — In Russ.)
- Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М.: ГЕРРА — Книжный клуб, 2006. 752 с.
(Pechatnov V.O. Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940s. Documentary essays, Moscow, 2006, 752 p. — In Russ.)
- Bryant A. Turn of the Tide. 1939—1943. Based on the Diaries and Autobiographical Notes of Field Marshall the Vicount Alanbrooke, London, 1957, 766 p.
- Edmonds R. The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War, London: W. Norton and Co., 1991, 668 p.
- Greenfield K. American Strategy in World War: a Recocideration, Baltimore: John Hopkins Press, 1963, IX, 145 p.
- Leahy W. I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. Based on His Hotes and Diaries Made at the Time, New York: Megraw — Hill Book Co., 1950, 527 p.
- Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War, New York: Harper, 1947, XXII, 698 p.
- Stoler M. The Politics of the Second Front. American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941—1943, Westport (Conn.), London: Greenwood press, 1977, XIII, 245 p.

Статья поступила в редакцию 16.10.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 16.10.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 20.12.2022

Информация об авторе / Information about the author

Потапов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Potapov Sergey Aleksandrovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru